

*Моим горячим соучастникам в холодном
преступлении,
Джоани Кук и Кристен Марино
— Дж. К.*

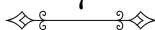
ЭЛЬЗА

ё королевское высочество принцесса Эльза! Эльза, стоявшая всё это время в тени родителей, выступила вперёд, на свет. Народ Эренделла в нетерпении ожидал её появления, и площадь разразилась рукоплесканиями. Семью правящего монарха приветствовал и стар и млад: сегодня перед воротами замка собрались сотни подданных, и все размахивали флагами с королевским гербом, бросали цветы и радостно галдели. Отцы посадили детей себе на плечи, кто-то забрался на повозки, из окон высовывались любопытные лица. Все хотели получше рассмотреть принцессу. Король и королева давно привыкли являться перед народом, но Эльзе было всего восемнадцать, и сегодня её впервые пригласили участвовать в публичном мероприятии.

Честно говоря, оставаться в тени родителей и дальше ей было бы куда приятнее, но долг есть долг.

— Ура, принцесса Эльза! Такая радость видеть вас! Ваше высочество! — кричали из толпы. Эльза и её родители стояли на небольшом помосте, специально сооружённом на площади в честь этого события. С него были видны обширные пространства вокруг замка, и Эльзе нравился открывавшийся вид, но одновременно она чувствовала, как будто её саму выставили на этом

помосте напоказ. Возможно, его действительно для этого и построили.

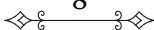
— Смотри! Это принцесса Эренделла, — как раз говорила какая-то мамаша своей дочке в первом ряду. — Глянь, какая красавица! Иди, отдай ей свой подарок!

Маленькая девочка стояла под самым помостом с большим букетом лилового вереска — любимых цветов Эльзы. Однако каждый раз, когда она поднимала его над головой и пыталась протянуть принцессе, в толпе начинали толкаться и её отесняли назад.

Эльза бросила взгляд на мать, молча прося под-сказки. Королева легонько кивнула, и Эльза спустилась по ступеням помоста, придерживая подол своего голубого платья. Её нарядный туалет дополнял изящный приталенный жакет, тоже небесно-голубой, в тон платью. Эльза унаследовала от матери светлые глаза, но в остальном больше была похожа на отца. Сходство с ним подчёркивали волосы того же льняного цвета, которые принцесса обычно заплетала в тугую косу и укладывала на затылке.

— Спасибо, цветы чудесные, — сказала Эльза девочке, грациозно принимая букет. Она снова поднялась на платформу и окинула взглядом толпу, собираясь обратиться к своим подданным. Отец давно даёт ей уроки публичной речи: пора найти им применение.

— Мы благодарим вас всех за то, что вы пришли сегодня разделить с нами этот волнующий момент, — начала она. — Сейчас Аксель Люденберг откроет скульптуру королевской семьи, которую он так любезно дарит нашему городу. — Послышались аплодисменты. — Но прежде чем состоится открытие, я хочу сделать небольшое замечание: поскольку господин Люденберг начал работать над своей скульптурой несколько лет назад, я не удивлюсь, если готовая

композиция запечатлела меня несколько более юной, чем я есть сейчас.

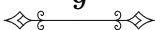
По толпе пронеслись негромкие смешки, и Эльза гордо взглянула на отца. Она сама придумала добавить эту последнюю фразу, и отец одобрительно улыбнулся.

— Мы весьма благодарны автору за его труд и большой вклад в культурную жизнь нашего королевства. — Эльза обратила взгляд на мастера, стоявшего рядом с помостом, и улыбнулась ему. — А теперь, без дальнейших отлагательств, я представляю вам скульптора Акселя Люденберга! — И принцесса отступила в сторону, в то время как на помост взошёл пожилой господин.

— Спасибо, ваше высочество. — Люденберг низко поклонился ей, и его седая борода почти коснулась колен. Он обернулся к толпе и произнёс: — Я благодарен его величеству королю Агнарру, её величеству королеве Идуне и, разумеется, прекрасной наследнице престола, её высочеству принцессе Эльзе за позволение изобразить их августейшие персоны в камне. Мой замысел состоял в том, чтобы фигуры правителей приветствовали каждого путника, пришедшего в замок Эренделла, будь он из окрестной деревни или из далёкой заморской страны. — Он дал знак своему помощнику. Тот поспешно приблизился к серой громаде в центре фонтана и отвязал верёвку, которой было обмотано полотно, скрывавшее скульптуру. Ткань слетела, и счастливый автор торжественно провозгласил: — Позвольте представить вам королей Эренделла!

Толпа громко ахнула и разразилась аплодисментами.

И принцесса, и сам король с королевой впервые видели скульптуру готовой. Эльза помнила, как позировала Люденбергу, пока он рисовал с неё эскизы. Тогда ей было лет одиннадцать, но за годы его работы над камнем

она почти успела забыть об этом проекте, пока совсем недавно отец не напомнил ей, предложив выступить с речью на торжественной церемонии открытия.

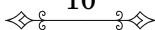
— Восхитительно, — сказала Эльза Люденбергу. Ей действительно очень понравилось то, что она увидела.

Бронзовые фигуры выглядели точь-в-точь как их живые прототипы, только застывшие во времени. Скульптор идеально передал черты всех членов королевской семьи. В центре с величественным видом стоит молодой король в короне и мантии, рядом роскошная красавица-королева в диадеме и изысканном платье. Между ними уютно устроилось их единственное дитя — принцесса Эльза, и на вид ей действительно куда меньше, чем восемнадцать лет.

Эта статуя, навсегда запечатлевшая её одиннадцатилетней девчушкой, так поразила Эльзу, что на неё нахлынули переживания. Все эти годы она, единственный ребёнок правящих монархов, провела в одиночестве в огромном замке. Родители всегда были заняты государственными делами. Конечно, у неё хватало учёбы, но после уроков тянулись долгие вечера, когда она бесцельно скиталась по пустым покоям замка и просто следила за стрелкой часов. Разумеется, у неё были кое-какие приятели, с кем поиграть — в основном дети придворных, — но это было совсем не то. Вот бы иметь сестру или брата, расти вместе всё детство, делиться всеми секретами. Мечта была неисполнима и оттого только тяготила, но Эльза никогда не жаловалась родителям на своё одиночество. С них хватало уже того, что после её рождения королева больше не могла иметь детей.

— Скульптура просто прекрасна, правда? — обратилась Эльза к матери.

Королева молча стояла рядом. Эльза видела, как взгляд её голубых глаз внимательно исследует каждый изгиб каменных фигур. Наконец, с её уст сорвался

едва слышный вздох, и она обернулась к принцессе. Эльзе показалось, что в её глазах застыла грусть.

— Да, она прекрасна, — наконец отозвалась она, сжимая руку дочери. — Замечательное портретное сходство, и так здорово удалось схватить наши образы. Ты не находишь, Агнарр? — добавила она, обращаясь к королю.

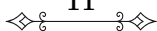
Кажется, родители настроены что-то слишком меланхолично для такого радостного события. Может, потому, что вновь увидели себя молодыми? И теперь, наверно, погрузились в тоскливые размышления о том, как быстро летит время? Отец постоянно говорил о том дне, когда Эльза унаследует трон, несмотря на то что сам продолжал неустанно работать, не выказывая и намёка на усталость от жизни. Эльза и сама приуныла, гадая, что их так печалит, но высказать свои предположения вслух не решалась. В конце концов, не пристало дочери допрашивать родителей, к тому же на публике.

— Да-да, это большая честь... — ответил наконец папа и вопросительно посмотрел на Эльзу. Он как будто собирался сказать что-то ещё, но передумал. — Эльза, тебе следует поблагодарить наших подданных за то, что пришли, — отбросив прежние мысли, бодро сказал он. — В замке готовится пир в честь господина Люденберга, так что нам пора возвращаться и приступать к приёму гостей.

— Да, папа, — откликнулась Эльза и послушно обернулась к толпе.

— За Акселя Люденберга и его потрясающее творение! — воскликнул король, высоко поднимая бокал над головами сидящих за длинным столом в Большом зале. Остальные последовали его примеру.

— За Акселя! — раздался дружный возглас гостей и громкий звон бокалов.

Стол ломился от яств, гости возбуждённо шумели, а мест на длинных лавках едва хватало. Ближе всего к королю сидел его самый верный друг, лорд Петерсен; была здесь и вся семья Люденбергов — ради этого события они специально приплыли в королевский замок из Варавии, с которой Эренделл с давних времён находился в тесных торговых отношениях. Сам герцог Варавский явился на торжество и теперь сидел рядом с принцессой Эльзой.

— За Эренделл и Варавию! — воскликнул герцог. Для такого тщедушного человечка, как он, рот у него был просто огромный. Герцог встал, и Эльза нехотя отметила, что он по крайней мере на целую голову ниже, чем все, кто остался сидеть. — Пусть же наши государства растут и процветают вместе!

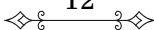
— За Эренделл и Варавию! — откликнулись пьющие.

Эльза молча чокнулась со своей матерью.

— Я так счастлив, что у нас наконец появилась возможность встретиться за общим обеденным столом, — обратился герцог к королеве, пока слуги собирали грязные тарелки, освобождая на столе место под десерт. — Спешу сообщить, что весьма рад познакомиться с её высочеством и лицеизреть, так сказать, в её персоне светлое будущее Эренделла. — Брови герцога слегка скакнули вверх. — Смею заметить, что её высочество не так уж часто появляется на публике.

Эльза вежливо улыбнулась ему, но ничего не ответила. Она давно усвоила от мамы первое правило настоящей принцессы — слушать человека ровно до тех пор, пока ответ не станет действительно необходим.

— У Эльзы чрезвычайно плотная учебная программа, поэтому до сей поры мы не часто приглашали её участвовать в публичных мероприятиях, — ответила вместо неё королева и бросила взгляд на Люденберга. — Но

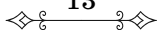
церемонию открытия скульптуры, посвящённой нашей семье, она, конечно, не могла пропустить. Ведь весь этот праздник сегодня — это праздник семьи.

Эльза поднесла ко рту салфетку, чтобы скрыть смехок. У мамы определённо талант вести разговор.

Герцога Варавского Эльза видела сегодня впервые. Но она уже с точностью могла сказать, что предпочитает ему герцога Черноскальского. У правителя Черноскалья такие добрые глаза, и в запасе всегда найдётся шоколадка, которой он не прочь тайком угостить принцессу, пока остальные гости за столом поглощены какой-то очередной скучной беседой.

Точнее, это называется «вести деловые переговоры». Мама не уставала напоминать Эльзе, что она должна быть готова к правлению государством, когда наступит её час взойти на престол. За последнее время к урокам чистописания, естествознания и политики, которым её обучала наставница, прибавилось обязательное присутствие на деловых встречах отца. К тому же теперь она была достаточно взрослой, чтобы участвовать в званных обедах, коим при дворе Эрнделла не было числа. Прошли те времена, когда её ненадолго выводили поздороваться с гостями и затем отправляли в отдельную комнату обедать в одиночестве. Теперь одиночество стало редкостью, но Эльзе всё равно не хватало общения с ровесником — с кем-то, кому можно доверить свои мысли и чувства. А детей прочей знати давно перестали приглашать в замок.

— Понимаю, понимаю! — подхватил герцог Варавский. — Но и прятать от всех такое сокровище — просто преступление! — Герцог даже прихлопнул по столу, как бы желая добавить вескости своим словам. Он так оживлённо дёргался, когда говорил, что накладку из искусственных волос у него на макушке так и прыгала вверх-вниз.

— Верно замечено, ваша светлость, — согласился лорд Петерсен, присоединяясь к разговору. — Принцесса уже не маленькая девочка, а самостоятельная молодая особа и вполне готова принять достойное участие в делах государства.

Эльза улыбнулась и ему. Лорд Петерсен так давно и близко знал отца, что за общим столом был не просто одним из приближённых — он был членом семьи. Эльза всегда смотрела на него как на родного дядю. И как и поступил бы родной дядя, лорд Петерсен предупредил Эльзу до начала банкета, что герцог Варавский не прочь сунуть нос в чужие дела.

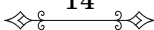
— Вот-вот! — схватился герцог за его слова. — Ваше высочество, я уверен, на своих занятиях вы хорошо изучили, что такое фьорды и какую выгоду они способны приносить. — Эльза кивнула. — Так вот, у нас в Варавии первый фьорд обнаружил мой дед. Именно благодаря ему у нас есть...

И герцог принялся разглагольствовать. Он говорил бы бесконечно, если бы лорд Петерсен наконец не прервал его. Деликатно откашлявшись, он дождался паузы и вставил:

— Это всё, безусловно, очень увлекательно, ваша светлость. Но как вы думаете, возможно, нам стоит продолжить этот разговор чуть позже? Кажется, настало время для десерта. — И прежде чем герцог успел что-либо возразить, повернулся к Люденбергу: — Господин Люденберг, надеюсь, у вас ещё осталось место в животе!

Как по сигналу, слуги разом распахнули двери, внесли блюда с фруктами и сладостями и торжественно водрузили их на стол.

— У нас в Варавии тоже всё это есть и ещё много чего другого найдётся, — проскрипел занудный голос герцога, пока он пробовал торт и тянулся за печеньем.

Эльзе упорно хотелось называть герцога не Варавским, а Воровским — видимо, не в последнюю очередь потому, что в нём действительно была какая-то если не вороватость, то, во всяком случае, чрезмерное проворство. Она взглянула на отца. Замечал ли он что-то подобное? Его мысли всегда было сложно прочитать. Сейчас он вёл беседу с супругой Люденберга. Лорд Петерсен принялся обсуждать со скульптором его следующую работу, так что герцог снова оказался на попечении Эльзы и её мамы.

— Ваше величество, принцесса просто восхитительна! — завёл свою шарманку герцог, но Эльзе стало стыдно за то, что она о нём только что думала. — Из неё получится бесподобная королева.

— Благодарю, — ответила мама. — Я уверена, вы правы.

— Родители дали мне замечательное образование, — заговорила наконец и Эльза. Она улыбнулась маме. — Даю слово, что в положенный час я смогу твёрдо занять престол своего королевства и достойно править вверенной мне страной.

Герцог взглянул на неё с любопытством:

— О да! Я уверен, так оно и будет. Ах, жаль только, что вы, ваше высочество, единственная наследница. Вот у короля Южных островов на трон претендуют сразу тринадцать сыновей.

Эльза сжала ножку бокала, чтобы не выпалить то, о чём потом пожалеет. Странно, бокал почему-то был холоден, как лёд.

— Не думаю, что это как-то...

— Принцесса хочет сказать, — прервала её мать, — что тринадцать наследников — это действительно много. — В отличие от Эльзы, королева сохраняла спокойствие: всё-таки ей уже не раз приходилось слышать вопросы на этот счёт. — Судьба подарила мне

